

В. Б. Помелов

**Э. И. Монозон:
ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ПЕДАГОГИКЕ
(к 110-летию со дня рождения ученого)**

УДК 37(092)

ББК 74.03(2)6-8Монозон

Статья посвящена видному отечественному ученому-педагогу Эле Исаявичу Монозону (1908–1987). Дается характеристика жизненного и научного пути, а также аннотации его основных трудов. Показаны связи Монозона с такими видными педагогами, как А. С. Макаренко, М. М. Пистрак, И. А. Каировым и др. Содержание статьи раскрывается на широком фоне общественно-политической обстановки в стране и Вятской губернии. Приводятся малоизвестные факты, отражающие бытовые реалии жизни советских людей.

Ключевые слова: Э. И. Монозон; г. Вятка; Вятский пединститут; Наркомпрос РСФСР; Н. К. Крупская; М. М. Пистрак; И. А. Каиров; А. С. Макаренко; Академия педагогических наук СССР.

V. B. Pomelov

**Э. И. MONOSZON:
THE LIFE DEVOTED TO PEDAGOGICS
(to the 110-th anniversary)**

The article provides biographical information on prominent native scientist-educator Ele Isayevich Monoszon (1908–1987). It describes his life and scientific way, as well as major works. Links with prominent educators, such as A. S. Makarenko, M. M. Pistrak, I. A. Kairov, etc. The content of the article is carried out on a broad background of socio-political situation in the country and Vyatka Gubernia. The article provides a significant amount of facts that reflect domestic realities of Soviet people.

Key words: E. I. Monoszon; the town of Vyatka; the Vyatka pedagogical institute; the People' komissariat of education of the RSFSR, N. K. Krupskaya; M. M. Pistrak; I. A. Kairov; A. S. Makarenko; the Academy of pedagogical sciences of the USSR.

Летом 1925 г. до начала занятий в Вятском пединституте студента Эли Моносзона направили вожатым в пригородный школьный пионерский лагерь. Здесь в один из дней произошел несчастный случай: утонула учительница, спасавшая свою тонущую дочь. Прибежали крестьяне, — мужчины и женщины из соседней деревни. Пустили по реке каравай с зажженной свечкой. В одном месте каравай закрутился. Водоворот! Здесь стали искать и, в конце концов, нашли бездыханное тело... На место происшествия приехал инспектор губернского отдела народного образования И. Т. Огородников. Он строго журил юного вожатого за... допущенный им «религиозный обряд» (каравай со свечкой!). Происшествие было расценено как несчастный случай. Эта история известна нам со слов Э. И. Моносзона.

Вот при таких курьезных и вместе с тем трагических обстоятельствах познакомились два в будущем замечательных ученых. Пройдут годы, и Иван Трофимович Огородников (1900—1976) станет заведующим кафедрой педагогики Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Видным ученым станет и Э. И. Моносзон.

Эле Исаевич Моносзон родился 6 (19) июня 1908 г. в г. Ветлуга Костромской губернии (ныне Нижегородской области). Его отец Исай Григорьевич происходил из семьи потомственных винокуров. Он

прошел тяжелый жизненный путь. Винокурение тогда было делом сезонным, и, когда в конце зимы заканчивались запасы сырья, он устраивался в мастерскую по ремонту швейных машин компании «Зингер». 5 января 1915 г. И. Г. Моносзон скоропостижно скончался на 40-м году жизни от инфаркта. Накануне он был очень расстроен выговором, полученным от немца-мастера за якобы плохо наточенные коньки-«снегурки» его дочери¹.

Семья (мать Ольга Ароновна, бабушка Эстер и пятеро малолетних детей — Гриша, Аля, Соня, Эле и Исай) осталась без средств к существованию. Жили они в сыром подвальном помещении на Соборной улице в доме Е. С. Петрова. На третий день после похорон отца пришел урядник и сообщил, что в связи со смертью отца семья утратила право на место жительства «вне черты оседлости». Такая дискриминация в отношении именно евреев существовала в царской России. Евреи имели право жить лишь в отведенных территориях. Исключение делалось для купцов, цеховых мастеров и рабочих некоторых отраслей промышленности, а также для тех, кто доказал местным властям свою полезность. Обычно это были врачи, ювелиры, часовщики и обладатели других необходимых профессий. Поэтому матери требовалось срочно стать «цеховым мастером», и она стала им. В Великом Устюге (там жила сестра Исаия Григорьевича) она

¹ Помелов В. Б. Путь в науку начинался в Вятке // Спутник агитатора. Киров, 1989. № 2. С. 24—27. С. 24.

приобрела вязальную чулочную машину, обучилась ремеслу и получила вид на жительство. Скромный промысел, дававший занятие всей семье, приносил доход, на который и жили. Ольге Ароновне удалось в детстве окончить двухклассной училище, что по тем временам для девушки, да еще из простого сословия, считалось немалым образованием. Она любила книги и старалась привить интерес к чтению своим детям. Брали книги, в основном, у соседей, обедневших помещиков Петерсонов.

В семь лет Эле пошел учиться. Учитель Кир Флавич Вознесенский отправил было мальчика домой, дескать «мал еще», но мать упросила его разрешить посещать уроки. После окончания первого класса Эле, проявившего большие способности к учебе, по совету сестры отца отправили в Вятку, и с осени 1916 г. он был отдан в еврейскую школу (хедер повышенного типа), содержащуюся местным богатым-благотворителем Насатысиным. Хотя это было учреждение открытого типа (для приходящих детей), режим там напоминал порядки закрытого учебного заведения с постоянным пребыванием в нем детей. В основу обучения было положено изучение религиозных еврейских учебных предметов: древнееврейский язык, хумеш, талмуд-горе. Но преподавались и русский язык (чтение и письмо), география с элементами естествознания, элементы всеобщей (в особенности еврейской) истории, арифметика.

Порядки в школе были очень строгие. Учителя жестоко наказывали воспитанников за малейшую провинность.

Особенно отличался этим учитель географии по фамилии Желудок (сам он произносил ее картавя — «Зелудок»). За всякое движение во время объяснения урока он бил ребят указкой. Однажды они отомстили злому учителю: подпилили лобзиком его указку и подложили на учительский стол кнопку. В итоге, весь класс на неделю остался без обеда. В Вятке встретил Эле февральскую революцию. Бегал вместе со всеми по школьному двору и кричал: «Пой, Ни́колушка, не пой! Трон уже не твой!»

Летом 1917 года Эле без разрешения школьного начальства покинул Вятку, «зайцем» доехал до станции Шарья и пешком пришел домой. Осенью он был зачислен учеником 1-го класса Ветлужской мужской гимназии. Через год гимназия была преобразована в единую трудовую школу. Учеников, перешедших во 2-й класс гимназии, зачислили в 3-ю группу (так стали называться классы). Повсеместно в стране было усилено преподавание естественной истории, введен труд в учебных мастерских (столярное дело, переплетное дело, плетение корзинок из ивовых прутьев). Вводилось ученическое самоуправление, старостат, создавались кружки, оркестры, отряды юков (юных коммунистов), предшественников пионерской организации.

Всем детям в отряде, и Эле в том числе, нравилось, что им вручили зеленые свитеры — знак отличия для юка как защитника леса и природы. Работа в отряде юков приносила детям огромное удовлетворение. Они ходили в походы, пели песни, зани-

мались тем, что им было интересно.

По приглашению родных в августе 1922 г. семья переехала в г. Вятку. Решиться на этот шаг было непросто. В Ветлуге Ольга Ароновна имела работу: работала инструктором по труду при уездном отделе народного образования, обучала девочек чулочному ремеслу.

Вятка по сравнению с Ветлугой была большим городом. Сильное впечатление на маленького Эле производили извозчики в солидных армяках и цилиндрах летом, а зимой — в овчинных тулупах и высоких меховых шапках. Его поражало людское оживление в масленицу, катанье обеспеченных горожан на санных повозках, украшенных домотканými коврами, праздник «свистунья» на высоком берегу Вятки с бойкой торговлей, раскрашенной гончарной посудой, дымковскими чудо-игрушками, свистульками, дудками, флейтами-самоделками!

Семья по-прежнему жила «вязкой и надвязкой чулок и носков». Подрастали дети. Гриша поступил счетоводом в частный магазин. Эле с 15 лет постоянно занимался репетиторством. Мать пекла хлеб и разносила его по домам; припек оставался в семье. Учился Эле в школе второй ступени имени Энгельса. Был школьным активистом, редактором газеты, старостой, организатором кружка по изучению истории Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ), председателем школьного ученического совета. Во главе школы стояли опытные педагоги — заведующие А. Ляпунов, А. Бульканов, К. Иньков. Это были требовательные, и

вместе с тем гуманные люди, много общавшиеся с учениками и коллегами, не допускавшие никакой грубости. Особенно яркий след в истории вятского образования оставил Константин Игнатьевич Иньков, основатель известной педагогической династии.

Историю вела замечательная учительница Зинаида Ивановна Одинокова, много работавшая над развитием мировоззрения и исторического мышления у своих воспитанников. Она применяла метод докладов: ученики самостоятельно изучали литературу и затем выступали перед своими товарищами. Отличным педагогом был Павел Васильевич Тюльпанов, в меру строгий, всегда подтянутый и благожелательный, добивавшийся прочного усвоения материала. Словесница Клавдия Дмитриевна Сазонова отлично читала стихи, передавала по памяти значительные по объему отрывки произведений русских классиков. Она широко практиковала метод ученических рефератов, большое внимание уделяла руководству выразительным чтением, всемерно поощряла литературное творчество учащихся, регулярно проводила конкурсы на лучшие ученические стихи и сочинения на заданную тему. Однажды группа учеников, в том числе и Эле, под руководством своей учительницы сочинила инсценировку в стихах, посвященную зарубежным борцам революции, томлящимся в застенках. На выступлении ребят присутствовал известный немецкий политэмигрант Макс Гельц, который был очень растроган теплой встречей.

К школьникам приходили на творческие вечера вятские поэты и прозаики Семен Большаков, Константин Алтайский, писавший стихотворные сатирические фельетоны под псевдонимом «Муха Це-Це». Школьным товарищем Эле был Леонид Владимирович Дьяконов, в будущем известный детский писатель, собиратель вятского фольклора, автор замечательной повести «Олень — золотые рога», стихов, поэм и сказок.

Одним из широко распространенных в 1920-е годы методов внеклассной работы были так называемые литературные суды. Эле Исаевич вспоминал один такой суд. В небольшом школьном зале, за столом, покрытым красным сукном, сидят «члены суда». «Обвинитель», один из старшеклассников, утверждает, что Анна Каренина — женщина безнравственная: она изменила мужу, посягнула на святая святых — семейные устои. Так что ее самоубийство есть справедливая кара за аморальное поведение. «Общественный защитник», старшеклассница, отводит выдвинутые против Анны обвинения и во всем винит мужа, человека сухого и бездушного. Разгорается дискуссия. Большинство учащихся настаивает на моральном осуждении поведения Анны Карениной¹.

В учебные планы тех лет было включено трудовое обучение. Уроки труда проводились в межшкольных мастерских при школьном городке.

Под руководством учителей С. Зонова и Н. Сысолятина производились столярные и слесарные работы: изготовление табуреток, переплетных станков и других полезных вещей. В школах в обязательном порядке была введена должность политруков, которые вели занятия по обществоведению, декретоведению, проводили политинформации, направляли в идеологическом плане внешкольную работу.

В 1923 г. в школьном городке на ул. Коммуны (ныне средняя школа № 22) был организован самодеятельный детский театр. В числе артистов оказался и Эле Моносзон. Руководитель театра, энтузиаст детской художественной самодеятельности, В. Т. Вольнов много сил отдавал художественному воспитанию школьников. Раз в месяц обязательно выходил новый спектакль. Любовь к музыке привела Эле и в оркестр народных инструментов при городском клубе кожевников имени Демьяна Бедного (Эле играл на мандолине). В клубе оркестр обеспечивал музыкальное сопровождение демонстрировавшихся немых кинофильмов, а также обслуживал танцевальные вечера.

В ту пору выдвигался лозунг смычки города с деревней. Комсомольские и ученические организации школы были связаны с соответствующими организациями сельской школы в селе Вожгалы. Взаимные приезды, участие городских ребят в летних сельскохозяйственных работах, концерты

¹ Помелов В. Б. Народное образование в Вятской губернии (Кировской области) в 1917–1999 годах // Энциклопедия Земли Вятской: в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Т. 9. Культура. Искусство. Киров, 1999. С. 57–147. С. 69.

художественной самодеятельности. Привлекались школьники и к проведению общественной работы. Так, зимой 1924 г. группа старшеклассников во главе со слушателем губернской совпартшколы С. И. Панковым отправилась в подшефное совпартшколе село Бобино, чтобы принять участие в торжественном обряде «октябрин». У тамошнего милиционера родился сын, и вот вместо крещения в церкви в сельском клубе проходила церемония «октябрин». Выступавшие, и Эле в том числе, пожелали новорожденному счастья и по общему согласию нарекли младенца Рэмом; это была аббревиатура слов *революция — электрификация — мир*.

В 1925 г. Эле поступил по комсомольской путевке в Вятский педагогический институт на общественно-экономическое отделение. Этот выбор на всю жизнь определил его дальнейшую судьбу как педагога, ученого, деятеля народного образования. Учиться было нелегко. Учебников почти не было, литературы на всех не хватало. Эле обстоятельно записывал все лекции в большие бухгалтерские книги, которыми снабжал его старший брат, работавший бухгалтером. Почти все время обучения Эле одновременно работал и в школе, а с января 1929 г., еще до окончания института, был зачислен в штат школы 2-й ступени им. И. С. Тургенева, где преподавал историю и обществоведение. Учился и работал он с удовольствием, принимал активное участие в общественно-политической работе: был членом комсомольской ячейки, руководил академическим сектором профкома, часто выезжал

вместе с товарищами на село с докладами и концертами художественной самодеятельности.

Много времени Эле проводил в институтской библиотеке. На фотографии, сделанной в читальном зале, (эта фотография приводится в данной статье), слева от него заведующий библиотекой Константин Петрович Суханов, который работал в институте с первого дня его существования, т. е. с 1.07.1914 г. по день смерти (15.01.1955), причем первые годы, — преподавателем русской словесности.

В институте Э. И. Монозон сделал первые шаги в науке. Под руководством профессоров, историка Павла Николаевича Луппова и географа Валентина Алексеевича Танаевского, он увлекся краеведческой работой, и в январе 1928 г. к десятилетию ВЛКСМ вышла в свет его первая книжка «Путь комсомола» (из истории Вятской организации). В работе над ней Эле работал в архивах, встречался с бывшими комсомольцами начала 1920-х гг. на станциях Зуевка и Мураши, в Вятском вагонном депо, где возникли первые комсомольские организации. Тогда же он опубликовал в местных периодических изданиях несколько статей: «Организованность населения Вятской губернии», «Из истории пореформенного крестьянского движения в Вятской губернии».

Приближалось время окончания института. Эле собирался продолжить научно-педагогическую работу в институте, но в начале 1929 г. его вызвали в губернский комитет комсомола и предложили быть представителем комсомола в губернском

отделе народного образования (далее — губоно). Так он был назначен старшим инспектором губоно и одновременно продолжал работать в школе. Никакого опыта инспектирования у него, конечно, не было, и поэтому молодой педагог обращался за советами к опытным инспекторам Н. В. Тарасову, И. В. Некрасову, зав. губоно В. Д. Мазурову. Непросто было совмещать инспектирование сельских школ с работой в школе, ведь транспортного сообщения в нашем сегодняшнем понимании тогда просто не было. Помимо инспектирования в круг обязанностей Монозона входило проведение семинаров и практикумов для учителей, организация курсов, лекций, к чтению которых привлекались преподаватели местного пединститута, инспекторы губоно Л. Головин, Т. Саар, а также приезжавший из Москвы сотрудник Наркомпроса РСФСР (далее — НКП), уже упоминавшийся И. Т. Огородников.

Двадцатые годы были временем методических поисков, которые подчас заводили педагогов в тупик. Нередко не критически перенимался зарубежный опыт. «Инициатива» в этом принадлежала, естественно, НКП, дававшему распоряжения вводить на местах то метод проектов, то лабораторно-бригадный метод, то идеи Д. Дьюи. Опытные вятские педагоги Владимир Александрович Петров и Макар Афанасьевич Чашин с участием Монозона (он был редактором и автором предисловия) написали книгу «Метод проектов в школе» (Вятка, 1930), в которой вся государственная программа была перестроена в соот-

ветствии с методом проектов, как и предписывалось свыше. Всего было около двухсот «проектов». Книга даже получила положительную оценку в одном из педагогических журналов, хотя и представляла собой, как стало понятно немного позже, конкретное проявление того методического прожектерства, о необходимости избавления от которого говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 4 сентября 1931 г.

В те годы для детей нередко организовывались дальние экскурсии. Об одной из таких экскурсий в Москву Монозон вспоминает в книге «Становление и развитие советской педагогики. 1917—1987» (М.: Просвещение, 1987). Летом 1929 г. в Вятку прибыло свыше трехсот пятидесяти сельских школьников, для которых был выделен специальный состав для поездки в Москву. Получилось так, что в Москве делегация детей, возглавляемая Монозоном, встретилась с начальником Главного управления социального воспитания НКП, замечательным педагогом М. М. Пистраком, впоследствии репрессированным.

С апреля 1931 г. по сентябрь 1937 г. Монозон работал в г. Нижнем Новгороде, тогдашнем краевом центре; к этому краю в те годы относилась и Вятка. Поначалу он занимал должность старшего инспектора-методиста, затем был утвержден заведующим учебно-методическим сектором крайоно. В задачу сектора входило «обеспечение локализации школьных программ», разработка инструктив-

ных и методических писем, налаживание методической работы, создание учебников («свои» учебники тогда издавали автономные республики, края и даже области). Создавались и так называемые «рабочие книги», «рас-сыпные» учебники, приспособленные для лабораторно-бригадного метода и метода проектов.

Однако уже очень скоро вышли постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» и от 12 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школы», в которых, в частности, ставилась задача преодоления вышеуказанных методов, создания стабильных учебников. В Нижнем Новгороде, вскоре получившим наименование Горький, Э. И. Монозон продолжает научную работу: он постоянный автор местного журнала «Горьковский просвещенец»; редактор «Методического бюллетеня», вместе с И. С. Комаровым издатель книги для чтения в начальных классах «Маленький ударник» и «Юные ударники». В это время издается книга Монозона, обобщавшая опыт Большемурашкинской образцово-показательной школы.

В 1934 г. по согласованию с НКП был открыт краевой НИИ политехнической школы со штатом сотрудников до двадцати человек. Э. И. Монозон был утвержден директором, его заместителем был доцент пединститута А. Дойников, позднее — профессор В. А. Вейкшан, по совместительству заведующий кафедрой педагогики пединститута, впоследствии известный исследователь педагогическо-

го наследия Л. Н. Толстого. В эти годы Монозон активно общается с первым секретарем крайкома партии А. А. Ждановым, известными учеными-педагогами С. Т. Шацким, А. П. Пинкевичем, С. А. Каменевым, с народным комиссаром просвещения А. С. Бубновым. К этому же времени относится и его первая встреча с Н. К. Крупской.

В августе 1937 г. поступило распоряжение из Наркомпроса явиться в управление руководящих кадров — Эле Исаевича переводили на работу в Москву. Быть просто аппаратчиком ему не хотелось, а жизнь в Горьком привлекала возможностью сочетать административную работу с научно-педагогической деятельностью (в последние годы он по совместительству преподавал в Горьковском пединституте). Своими сомнениями Э. И. Монозон поделился с заместителем заведующего отделом школ ЦК ВКП(б) И. А. Каировым, впоследствии министром просвещения РСФСР и одновременно президентом Академии педагогических наук РСФСР, Героем Социалистического Труда. Монозон просил оставить его в Горьком, однако Иван Андреевич Каиров отметил, что решение принято наркомом и отделом школ ЦК, и необходимо готовиться к вступлению в новую должность, прибыть в Кремль, в секретариат председателя совнаркома РСФСР.

Вот как описывал встречу в Кремле Э. И. Монозон: «В первом часу ночи меня пригласили в кабинет Н. А. Булганина. Он подробно познакомился со мной; спросил, где я

работал раньше, попросил кратко охарактеризовать состояние школьного дела в Горьковской области. В заключение он спросил, сколько мне лет, на какую должность намечает меня Бубнов. «А как у вас насчет биографии? Нет ли в семье репрессированных?». Машинально отвечаю: «Пока нет». «Булганин вскипел: «Что значит «пока»?! Пришлось извиниться за случайно оброненную неосторожную фразу. «Вам, вероятно, непонятно, почему предсовмина лично занимается комплектованием руководящих кадров Наркомпроса? — спросил Булганин. — Дело в том, что мы не доверяем наркому Бубнову, и приходится мне лично заниматься кадрами Наркомпроса». Я был немало удивлен такому заявлению. А. С. Бубнов остался в моей памяти как сильный руководитель, хорошо понимавший задачи школы, политические функции народного образования. Иногда бывал он резок, но всегда справедлив»¹.

Приказ о назначении Э. И. Моносонова в должности первого заместителя начальника управления начальных школ НКП, а позднее и начальником учебно-методического отдела (с сохранением прежней должности) подписывал уже новый нарком П. А. Тюркин, недолго занимавший эту должность. В историю нашей страны вторая половина тридцатых годов вошла как символ разгрома необоснованных репрессий. Жестoko пострадала и педагогическая наука. В частности, погибли такие видные уче-

ные и деятели народного образования, как А. С. Бубнов, М. С. Эпштейн, М. М. Пистрак, М. П. Орахелашвили, А. П. Пинкевич, С. А. Каменев и многие другие. Отстранялись от работы П. П. Блонский, С. А. Рубинштейн.

Сложным был режим работы в НКП, также, впрочем, как и в других наркоматах. Подстраиваясь под «режим дня» Сталина, работу начинали, как положено, в 9 часов утра, а заканчивали не раньше полуночи. Нарком и его заместители уезжали около двух часов ночи. Ни о какой продуктивной работе в ночное время не могло идти речи, тем более что это повторялось ежедневно. И все-таки работа шла, несмотря на все трудности.

Важной задачей, решением которой приходилось заниматься коллективу, возглавляемому Э. И. Моносоном, было, например, создание письменности для многочисленных малых народов, не имевших ее прежде, и обеспечение перехода на русскую графику письменности ряда народов России. И, конечно, создание бесчисленных учебных планов, программ, учебников.

Во время работы в НКП Э. И. Моносонову приходилось встречаться и сотрудничать с А. С. Макаренко. Э. И. Моносон был организатором цикла лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитанных выдающимся педагогом в НКП в январе 1938 г. Аудитория благожелательно встретила эти лекции, как и его статьи в «Правде» и «Известиях», а

¹ Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров: «Информационный центр», 1993. 84 с. С. 58.

вот верхушка НКП, «педагогический Олимп», против которого так упорно сражался Антон Семенович, «дала нагоняй» инициатору этих лекций.

Летом того же года Макаренко обратился в городской отдел образования г. Москвы с просьбой о выделении школы для продолжения им и его последователями своего педагогического эксперимента в школьных условиях. Там ему порекомендовали обратиться в НКП. Заместитель наркома А. С. Лихачев поручил группе ответственных работников НКП (В. М. Михайлов, Ф. В. Гормонов, Э. И. Моносзон) встретиться с Макаренко и выяснить предполагаемую цель опытной работы. Состоялись две встречи с ним, в ходе которых педагог изложил свое, весьма критическое отношение к состоянию воспитательной работы в школе, и предложил провести опытную проверку его педагогических воззрений в условиях обычной массовой школы, ибо ему ставили в упрек то, что его методика рассчитана только на беспризорников и может быть использована лишь в условиях колонии, в изолированном учебно-воспитательном учреждении.

Увы, руководство НКП не поддержало плана А. С. Макаренко. В итоге, в Москве Макаренко отошел от практической работы, полностью посвятив себя научно-литературной деятельности. Макаренко произвел на Моносзона впечатление сильной личности, страстно убежденной в правильности испытанных им на практике принципов воспитания в коллективной, трудовой деятельности. Он с сарказмом, безжалостно высмеивал лю-

бителей пресловутой «парной» педагогики. Прекрасно понимая значение индивидуального влияния воспитателя на личность каждого воспитанника, он справедливо полагал, что этот подход должен инструментроваться через взаимодействие детей в коллективе, опосредованно, путем применения метода «параллельного действия».

В журнале «Народное образование» в свое время был опубликован диалог двух видных ученых-макаренковедов: Гетца Хиллига, руководителя лаборатории «Макаренко-реферат» при Марбургском университете (Германия), выпустившего двадцатитомное собрание сочинений Макаренко, и Валентина Васильевича Кумарина, доктора педагогических наук. Приведем несколько выдержек из этого диалога, тех, что имеют отношение к Моносзону.

...Г. Хиллиг: «А что говорили о Макаренко другие современники, с которыми он был знаком? Моносзон, например.

В. В. Кумарин: Моносзон был очень умный и достаточно принципиальный человек. Он мне рассказывал, как в январе 1938 г. он организовал в наркомпросе цикл лекций Антона Семеновича.

Г. Хиллиг: Он рассказывал тебе, как он познакомился с Макаренко?

В. В. Кумарин: Моносзон пригласил его через Союз писателей. Макаренко выступал в газетах против НКП, и Моносзон решил вблизи посмотреть на этого бунтаря.

Г. Хиллиг: У Моносзона было какое-то мнение о характере Макаренко?

В. В. Кумарин: Я не раз его спрашивал об этом. И он говорил всегда одно и то же. «Тяжелый был характер. Никому и ни в чем не уступал. Даже по пустякам. Никогда не улыбался. Когда говорил, то казалось, что он специально разбивает нашу веру в пух и прах. Это раздражало: “Подумаешь, явился мессия”. Но он гнул свое... Бубнов Макаренко поддерживал, но Н. К. Крупская не воспринимала на дух. “Дамсоцвос” шел по всей стране от нее. Макаренко это знал, но идти против вдовы В. И. Ленина не боялся.

Г. Хиллиг: Ты говорил, что у Монозона из-за этих лекций были неприятности?

В. В. Кумарин: Он на год был исключен из партии. Что за педагогику ты нам рекомендуешь? И продолжали в том же духе, что она не имеет ничего общего с марксистско-ленинской теорией¹.

Возможно, выступления Макаренко в НКП и имели некоторое отношение к неприятностям, обрушившимся на Эле Исаевича, однако главная причина, видимо, была все-таки в другом. В 1938 г. были репрессированы оба его брата в Горьком и Кирове, а также некоторые лица, с которыми он был связан по работе в Горьком. Из этого города поступило «заявление», в котором Монозон «обвинялся» в якобы насаждении карликовых школ, издании недоброкачественных инструктивно-методических матери-

алов, а также в связях со скомпрометировавшими себя руководящими работниками области.

В повестку дня партийного собрания в НКП было вынесено персональное дело Э. И. Монозона (он был членом ВКП(б) с 1930 г.). Несколько раз своим голосованием собравшиеся отвергали абсурдные обвинения и не поддержали спущенного «сверху» приказа об отчислении Монозона из партии. И только когда начальник отдела руководящих кадров грозно предупредил членов парткома, что Монозон нельзя отпускать с собрания с партбилетом, небольшим большинством голосов было принято решение об исключении «за потерю политической бдительности и связь с врагами народа...»².

Н. К. Крупская, как могла, утешала своего коллегу. Монозон был переведен на должность инспектора-методиста учреждений «для испанских детей». В его обязанности входило методическое обеспечение обучения вывезенных с родины малышей-испанцев, что было тем более непросто, что никто из сотрудников не знал испанского языка. Через две недели Эле Исаевича вызвали на заседание бюро Куйбышевского РК ВКП(б) г. Москвы. Члены бюро высказали мнение, что он не заслуживает столь сурового наказания, и вынесли решение об уменьшении наказания: «всегонавсего» перевести из членов партии в кандидаты. Э. И. Монозон был рад

¹ Б/а. Интерес к Макаренко будет расти // Народное образование. 1990 № 5. С. 118–128. С. 118.

² Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров: «Информационный центр», 1993. 84 с. С. 59.

такому повороту событий, но через месяц его ожидала новая неприятность: его освободили и от скромной «испанской» должности.

Звонок от заведующей Московского городского отдела народного образования Антонины Дмитриевны Сергеевой спас положение — Моносзону была предложена должность директора школы. Э. И. Моносзон просил дать ему рядовую учительскую работу. В результате, он получил назначение на должность завуча и учителя средней школы № 274. А. Д. Сергеева и сообщила Моносзону, что Н. К. Крупская звонила перед обсуждением его персонального дела секретарю Куйбышевского райкома партии Н. М. Шаховой. Крупская же лично и попросила Сергееву устроить Моносзона на работу. По существу, Надежда Константиновна спасла своего молодого коллегу от расправы.

В августе 1940 г. после реабилитации братьев Эле Исаевича восстановили в партии. Жизнь его братьев и сестер были тесно связаны с городом Кировом. Старший брат Григорий (1904—1979) всю жизнь работал бухгалтером, в 1943—1975 гг. был главным бухгалтером облсобеса в Кирове, постоянно преподавал на бухгалтерских курсах.

Младший брат Исай (1910—1973) в 1922 г. вступил в первый в г. Вятке пионерский отряд. После окончания школы он работал старшим пионервожатым в Вятском школьном городке. В 1930-е гг. учился в аспирантуре Горьковского пединститута, работал в краевом бюро пионеров, главным ре-

дактором областной пионерской газеты «Клич пионера» и областной комсомольской газеты «Ленинская смена». Всю войну он провел на фронте политработником, награжден орденами и медалями. После войны работал в Ворошиловградском высшем авиационном училище. После демобилизации из армии в звании подполковника защитил кандидатскую диссертацию по проблемам военно-патриотического воспитания и работал доцентом кафедры педагогики Кировского пединститута. Автор данной статьи учился у И. И. Моносзона (он преподавал курс педагогики), провожал его в последний путь в 1973 г.

Сестры Эле Исаевича Алевтина и Софья стали учительницами. В последнем по времени издания книги «Пионерская летопись» (Киров, 1982) есть фотография Софьи Исаевны Моносзон (по мужу — Долгих) со своим отрядом. Непросто сложилась ее жизнь. После окончания Вятского пединститута она в течение двадцати лет работала учительницей, причем последние годы в школе для детей, отстающих в развитии. Тяжело заболев, она не прекращала занятий в школе, так как не на кого было оставить класс, и, получив осложнение на сердце, скончалась, оставив сиротами троих малолетних детей. Избрали педагогическую деятельность дочь Э. И. Моносзона Н. Э. Фокина, кандидат психологических наук, и внук Михаил, выпускник физического факультета МГПИ им. В. И. Ленина.

... Осенью 1940 г. Э. И. Моносзона перевели на работу в НИИ школ

НКП. Там он работал старшим научным сотрудником, заведующим сектором педагогики, ученым секретарем вплоть до ухода в ряды действующей армии в июле 1942 г. Непросто было работать ученым в условиях плотного идеологического, а то и просто репрессивного давления. Нет-нет, да и приходилось наступать на горло собственной песне. В мае 1941 г. нарком В. П. Потемкин сообщил, что есть поручение свыше подготовить проект постановления о раздельном обучении в школах мальчиков и девочек. Это требуется для целей военной подготовки юношей и укрепления дисциплины в школе, хотя весь предшествующий отечественный и мировой опыт свидетельствовал о преимуществах совместного обучения. Более недели группа специалистов, и в их числе известные ученые Е. Н. Медынский и С. М. Ривес, трудилась над составлением нужной справки, которая им, сторонникам совместного обучения, никак не давалась. В конце концов, родилась на свет туманная формулировка о том, что, дескать, в целях более полного учета возрастных и половых особенностей, укрепления дисциплины, лучшей постановки военно-физического воспитания молодежи следует признать необходимым раздельное обучение. Введение этого мероприятия было осуществлено в 1943–1944 гг. и нанесло немалый вред и дисциплине, и учету возрастных и половых особенностей.

В октябрьском номере журнала «Начальная школа» (1941 г.)

Монозон выступил с острой статьей «Педагогика фашистских варваров», содержащей анализ и критику воспитательных установок идеологов фашизма: Гитлера, Гимmlера, Геббельса, Розенберга, представителей фашистской педагогической науки (Шемм, Крик) с их теорией неравенства человеческих рас. В заключение автор пророчески писал: «Пройдут годы: могилы фашистских захватчиков, нашедших себе смерть на бескрайних просторах нашей Родины, зарастут бурьяном. Народы мира будут с омерзением вспоминать фашистских растлителей мировой культуры...»¹.

Враг подходил к ближайшим подступам столицы. НКП был эвакуирован в г. Киров, а НИИ школ, работавший при НКП, в г. Молотовск, ныне г. Нолинск Кировской области. Из Москвы до Кирова (расстояние около 1000 км) состав с семьями сотрудников этих учреждений добирался двенадцать суток и прибыл на станцию назначения в конце октября. Для НКП выделили здание средней школы им. Октябрьской революции по ул. Большевиков и только что выстроенную гостиницу «Центральная». НИИ школ был размещен в педагогическом училище; под жильё определили несколько частных квартир и частично помещение местного педучилища.

В г. Молотовск, расположенный в 80 километрах от областного центра, прибыла целая группа широко известных ученых, и среди них выдающийся лингвист Л. В. Щерба, педагоги Е. Я. Голант и С. Г. Шаповаленко,

¹ Монозон Э. И. Педагогика фашистских варваров // Советская педагогика 1941. № 10. С. 7–12. С. 12.

биолог Н. М. Верзилин, физик-методист П. А. Знаменский и другие видные деятели советской педагогической науки. В числе этих ученых был и Э. И. Монозон. Директором института был профессор Б. В. Всесвятский (1887—1987), крупный специалист в области методики естествознания. Вести научную работу было трудно: отсутствие библиотек, архивов, скудное питание... Большую часть времени занимала заготовка топлива, работа на огороде и т. п. Но и в этих условиях ученые продолжали научные исследования, писали книги, статьи, брошюры, выполняли различные поручения НКП.

В июле 1942 г. Э. И. Монозон из Молотовска был призван в действующую армию. После месячной подготовки в учебном батальоне он был направлен в Ленинградское военно-политическое училище имени Ф. Энгельса, дислоцированное в г. Шуя Ивановской области, где был курсантом до мая 1943 г. Политработник Монозон занимал должность заместителя начальника политотдела дивизии. Он прошел фронтовыми дорогами вместе со своей дивизией от Бобруйска и Гомеля до Варшавы и Берлина, сполна хлебнув фронтовых трудностей. Три боевых ордена (Красной Звезды, Отечественной войны I-й и II-й степени) и три ордена за трудовые заслуги (Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета»), а также двенадцать медалей, в том числе Н. К. Крупской и К. Д. Ушинского — таков итог боевого и трудового пути Э. И. Монозона.

В первые послевоенные годы одним из ведущих НИИ в системе Академии педагогических наук РСФСР, основанной в октябре 1943 г., был НИИ методов обучения, преобразованный из НИИ школ НКП, в котором до войны работал Э. И. Монозон. Сюда же он и вернулся по окончании ратной службы. Сначала ему предложили работу в качестве заведующего сектором научно-методической консультации, главной задачей деятельности которого было изучение и обобщение передового педагогического опыта, а потом в течение десяти лет, с 1955 по 1965 г. он был заместителем директора института по научной работе. (Институт в эти годы получил название НИИ общего и политехнического образования). В 1946 г. Э. И. Монозон защитил кандидатскую диссертацию по вопросам воспитания сознательной дисциплины учащихся, а спустя 22 года — докторскую — по проблемам воспитания в процессе обучения.

В 1955 г. он был избран членом-корреспондентом АПН РСФСР, в 1965 г. — действительным членом АПН РСФСР, а в 1968 г., после преобразования Академии педагогических наук из российской во всесоюзную, — действительным членом АПН СССР. Его избирали членом президиума академии (1965), в 1965—1967 гг. он исполнял обязанности главного ученого секретаря президиума АПН СССР, а в 1966—1970 гг. — академиком-секретаря отделения дидактики и частных методик президиума АПН СССР.

Освободившись в начале семидесятых годов от большой организационно-управленческой работы в академии, Э. И. Монозон получил возможность «на старости лет» глубже заняться научной работой. Итогом его опытно-экспериментальной работы стали такие книги, как «Содержание образования в средней школе», «Система идейно-политического воспитания учащихся», «Формирование коммунистического мировоззрения школьников в процессе обучения и труда», «Пути осуществления связи обучения с жизнью, с трудом», «Теоретические основы коммунистического воспитания школьников», «Основы педагогических знаний» и др. Некоторые из его книг выходили за рубежом в переводе на болгарский, польский, словацкий, чешский, немецкий, французский, испанский и английский языки. Всего им опубликовано 265 научных работ, в том числе 32 за рубежом.

В марте 1982 г. президиум АПН СССР наградил ученого премией имени Н. К. Крупской за книгу «Проблемы теории и методики коммунистического воспитания школьников» (М., Педагогика, 1978). Книга эта была ему особенно дорога, так как в ней нашли отражение многочисленные исследования Монозона в области становления и развития теории и методики воспитательной работы. Книга была переиздана в Венгрии (1980) и ГДР (1981). Разумеется, не все из написанного им, выдержало проверку временем. И это не случайно, ибо в центре внимания академика всегда были, прежде всего, вопросы формирования мировоззрения,

проблемы воспитания молодежи. А жизнь вносит свои коррективы в, казалось бы, незыблемые оценки. Но лучшее из того, что написал ученый, будет служить педагогической науке долгие годы.

Представляется очень ценной его последняя книга «Становление и развитие советской педагогики. 1917—1987» (М.: Просвещение, 1987), в которой автор, по существу, впервые в отечественной педагогической науке дает характеристику деятельности большого количества видных советских ученых-педагогов и деятелей народного образования (А. П. Пинкевич, М. М. Пистрак и др.).

Э. И. Монозон был без преувеличения одним из наиболее значительных ученых. Поэтому неудивительно, что ему приходилось общаться с такими замечательными педагогами, как В. П. Потемкин и И. А. Каиров, каждый из которых был в свое время и министром просвещения и президентом АПН РСФСР одновременно. Ему приходилось много общаться с учеными-педагогами, большая часть научно-практической деятельности которых прошла еще в досоветские годы (Н. В. Чехов, Н. Н. Иорданский), а также с теми исследователями следующего поколения, кому он помогал в публикации их трудов (среди них В. А. Сухомлинский). О Э. И. Монозоне с неизменной теплотой вспоминали его младшие коллеги, в частности, научный руководитель автора данной статьи, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент АПН СССР Ольга Сергеевна Богданова.

Э. И. Монозон посетил в составе делегаций АПН СССР с деловыми визитами большинство европейских и ряд азиатских стран, представлял советскую педагогику в ЮНЕСКО. Особенно памятными были встречи с выдающимся швейцарским ученым-психологом Жаном Пиаже в Женеве на международных конференциях, организовывавшихся ежегодно международным бюро по просвещению, директором которого много лет был Пиаже. Летом 1965 г. во дворце Лиги наций к Монозону обратился седой румянолицый человек со словами: «Уважаемый коллега! Вы сидите на том самом кресле, на котором тридцать лет назад сидел ваш знаменитый нарком иностранных дел М. М. Литвинов». Этот седой человек и был Пиаже. Пиаже и Монозон разговорились. Ж. Пиаже был известен своими исследованиями в области детского мышления и речи и со свойственным ему энтузиазмом доказывал, что базой педагогики является экспериментальная психология и ничто другое. Монозон же убеждал собеседника в том, что безмерное увлечение экспериментом — одно из заблуждений в педагогике. Ведь эксперимент зачастую дает выводы, которые невозможно реализовать в широкой практике. «Обобщающие выводы и психологии, и педагогики, — говорил Эле Исаевич, — должны опираться на массовый опыт»...

Несмотря на постоянную занятость Э. И. Монозон не забывал город, в котором прошли его детство и юность. Он неоднократно бывал в Кирове

в зрелые годы, принимал участие в юбилейных торжествах по случаю 50-летия Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина в ноябре 1968 г. (Тогда юбилей был приурочен к дате присвоения институту статуса вуза).

Э. И. Монозон много делал для подготовки научно-педагогической смены, был организатором различных конференций и семинаров, охотно общался с молодежью. Автору этого материала в бытность аспирантом НИИ общих проблем воспитания АПН СССР в начале 1980-х гг. приходилось общаться с ним, слушать его выступления и наставления. Вспоминается международная конференция молодых ученых ГДР и СССР по проблемам мировоззрения, поочередно, один раз в два года проводившаяся в этих странах. В июне 1983 г. она проводилась в Москве, и автор этой статьи был одним из ее участников, так же, как и незабвенный Владимир Иванович Смирнов, в будущем ректор Нижнетагильского пединститута и основатель «Историко-педагогического журнала»...

Э. И. Монозон осуществлял руководство конференцией в целом. Помнится, проведение конференции совпало с его 75-летием. Мне было особенно интересно общаться в те незабываемые дни с Эле Исаевичем. Он много рассказывал о своем детстве, прошедшем в Вятке, о выступлении В. В. Маяковского в Вятском пединституте, свидетелем которого он был¹. Он даже пошутил: «А знаете, сколько мне лет? Ну, да, конечно, 75. А вот

¹ Помелов В. Б. Маяковский в Вятке // Панорама. Киров, 1990 № 11. С. 33–36. – С. 35.

Э. И. Монозон.
1980-е гг.

Библиотека Вятского государственного педагогического института имени В. И. Ленина (1925 г.). Слева направо: (за барьером) библиотекари М. В. Суханова и Е. И. Пасынкова, зав. библиотекой К. П. Суханов. Крайний справа студент Э. И. Монозон.

журнал «Советская педагогика» утверждает, что мне всего 22. Да-да. Смотрите сами, пять лет назад родной журнал, членом редколлегии которого я много лет являюсь, поздравил меня... с семнадцатилетием. К сожалению, это была опечатка»¹.

В последние годы жизни ученый руководил общеакадемической темой «Формирование мировоззрения учащихся», являлся председателем научного совета по этой проблеме при бюро отделения теории истории педагогики АПН СССР, заместителем академика-секретаря этого отделения, членом редколлегии журнала «Советская педагогика», членом координационного совета по педагогическим наукам, членом диссертационного совета при НИИ общей педагогики и т. д.² В

1970—1980-е гг. его книги выходили одна за другой. Он интенсивно работал, стремясь успеть по возможности полнее передать свои знания, свой богатейший жизненный и педагогический опыт молодому поколению педагогов.

Э. И. Монозон умер 28 февраля 1987 г. «Шестьдесят лет яркой, творчески насыщенной, целеустремленной жизни Эле Исаевича отданы учительской, организационно-педагогической и научно-исследовательской работе. Его отличали принципиальность, высокая работоспособность и требовательность к себе, чувство нового, доброжелательность к людям...», — отмечалось в некрологе³.

Имя Монозона включено в список наиболее значительных людей когда-либо живших на Вятской земле⁴.

¹ Юбилей ученого // Советская педагогика. — 1978 № 6. С. 156–157.

² Помелов В. Б. Путь в педагогику начинался на Вятке // Герценка: Вятские записки: научно-популярный альманах: вып. 14 / редкол.: Н. П. Гурьянова (отв. ред.). Киров, 2009. С. 100–112. С. 112.

³ Эле Исаевич Монозон (Некролог) // Учительская газета. — 1987, 10 марта.

⁴ Помелов В. Б. Монозон Эле Исаевич / В. Б. Помелов // Энциклопедия Земли Вятской: В 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников / Том 6. Знатные люди. Киров, 1996. С. 291.

Список литературы

1. Б/а. Интерес к Макаренко будет расти // Народное образование. — 1990 — № 5. — С. 118–128.
2. Монозон, Э. И. Педагогика фашистских варваров / Э. И. Монозон // Советская педагогика — 1941 — № 10. — С. 7–12.
3. Помелов, В. Б. Народное образование в Вятской губернии (Кировской области) в 1917–1999 годах / В. Б. Помелов // Энциклопедия Земли Вятской: в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Т. 9. Культура. Искусство. — Киров, 1999. — С. 57–147.
4. Помелов, В. Б. Маяковский в Вятке / В. Б. Помелов // Панорама. — Киров, 1990 — № 11. — С. 33–36.
5. Помелов, В. Б. Монозон Эле Исаевич / В. Б. Помелов // Энциклопедия Земли Вятской: В 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников / Том 6. Знатные люди. — Киров, 1996. — С. 291.
6. Помелов, В. Б. Педагоги и психологи Вятского края / В. Б. Помелов. — Киров: «Информационный центр», 1993. — 84 с.
7. Помелов, В. Б. Путь в науку начинался в Вятке / В. Б. Помелов // Спутник агитатора. — Киров, 1989 — № 2. — С. 24–27.
8. Помелов, В. Б. Путь в педагогику начинался на Вятке / В. Б. Помелов // Герценка: Вятские записки: научно-популярный альманах: вып. 14 / редкол.: Н. П. Гурьянова (отв. ред.). — Киров, 2009. — С. 100–112.
9. Эле Исаевич Монозон (Некролог) // Учительская газета. — 1987, 10 марта.
10. Юбилей ученого // Советская педагогика. — 1978 — № 6. — С. 156–157.